

Всем будущим «барным» теориям посвящается...

Статья Александра Беликова

Иллюстрация Марины Орлеанской

Настоящая статья посвящена обсуждению работы, вышедшей в прошлом номере «Финикового компота», а именно — статьи Андрея Мерцалова под названием «Все наоборот». В своей статье автор предлагает оригинальную теорию значения, вызвавшую бурное обсуждение в рамках презентации номера, что послужило причиной для организации отдельного ее обсуждения (не менее бурного) в рамках конференции «Философия XXI века: новые стратегии философского поиска».

Я попытаюсь кратко описать основную идею Мерцалова, а затем предложу вариант критики его теории.

Основная идея так называемой «барной теории» заключается в том, что у знаков (слов, предложений) нет собственных значений. Значениями выражений являются предметы мысли, возникающие в голове у интерпретатора на основе ассоциативных связей между знаками и предметами, о которых ему что-то сообщается.

На одном из обсуждений автором была сформулирована конкретная схема, в соответствии с которой работает его теория. Обязательным условием появления значения является «коммуникативная ситуация», т.е. обязательное

наличие того, кто сообщает информацию и того, кто эту информацию получает. Подобную коммуникативную ситуацию Мерцалов иллюстрирует при помощи ситуации в баре. Я смоделирую эту ситуацию очень кратко: в баре находятся четыре человека, говорящие на разных языках. Первый заказывает напиток у бармена, используя какое-то конкретное слово, однако бармен приносит ему не то, что первый просил (поскольку он не понимает язык первого). Еще один герой, наблюдая за этой ситуацией, видит, что принесли первому, и, поскольку он хочет тот же напиток, он произносит то же слово. Так, по словам автора, это слово обретает значение и смысл.

Мое последующее изложение будет исходить из того, что Мерцалов считает несостоятельной традиционную теорию значения, а также сомневается в способности современной логики дать достойный анализ понятия «значение». В связи с чем он выдвигает свою теорию на замену старой.

Я считаю, что Мерцалов, помимо выдвигания не совсем удачной теории, заблуждается относительно основных положений, на которых основана современная логика и ее методы. Поэтому моя статья посвящена скорее защите

логики, чем критике «барной теории».

Введение. Для того, чтобы подойти к вопросу о значении, необходимо понять, что мы имеем в виду, когда употребляем термин «значение».

В духе западной традиции, мы, говоря о «значении», обычно имеем в виду английский термин «meaning». Условимся в настоящей статье переводить этот термин как «смысловое содержание» (этот перевод, конечно, является лишь приблизительным, но более правильным, нежели «значение»). Соответственно, «theory of meaning» можно перевести как «теория о смысловом содержании» или просто — «теория о содержании», однако условимся, что в дальнейшем в тексте мы будем использовать «theory of meaning» без перевода.

Вопрос о смысле и значении языковых выражений впервые в явном виде был сформулирован Фреге [Фреге, 2000]. В дальнейшем эти два понятия (смысл и значение) попали под пристальное внимание аналитических философов и логиков, что и стало причиной появления «theory of meaning».

На мой взгляд, очень важным является тот факт, что среди разных подходов к рассмотрению вопроса о смысле и значении исследователи, так или иначе, рассматривают его в рамках теории именованности. Я имею в виду подходы Фреге, Рассела, Карнапа и Черча. Хотя, с одной стороны моя позиция может быть раскритикована. Действительно, ведь трое из перечисленных авторов как раз таки боролись с антиномиями отношения именованности (см. статью Е.Д. Смирновой «О загадке контекстов мнения» [Смирнова, 2001], где подробно обсуждается этот вопрос). И этим положением обычно аргументируют тезис о том, что теории Рассела, Карнапа и Черча не являются «теориями именованности».

Я думаю, что перечисленные подходы несомненно являются вариантами «theory of meaning», и только один из них является «теорией именованности». Однако мне кажется, что эти теории можно объединить по одному признаку — все они начинают анализ вопроса о смысле и значении с введения понятия «имени» (знака) как исходного. В соответствии с этим я выделяю «theory of meaning» *в слабом смысле* и «theory of meaning» *в сильном смысле*.

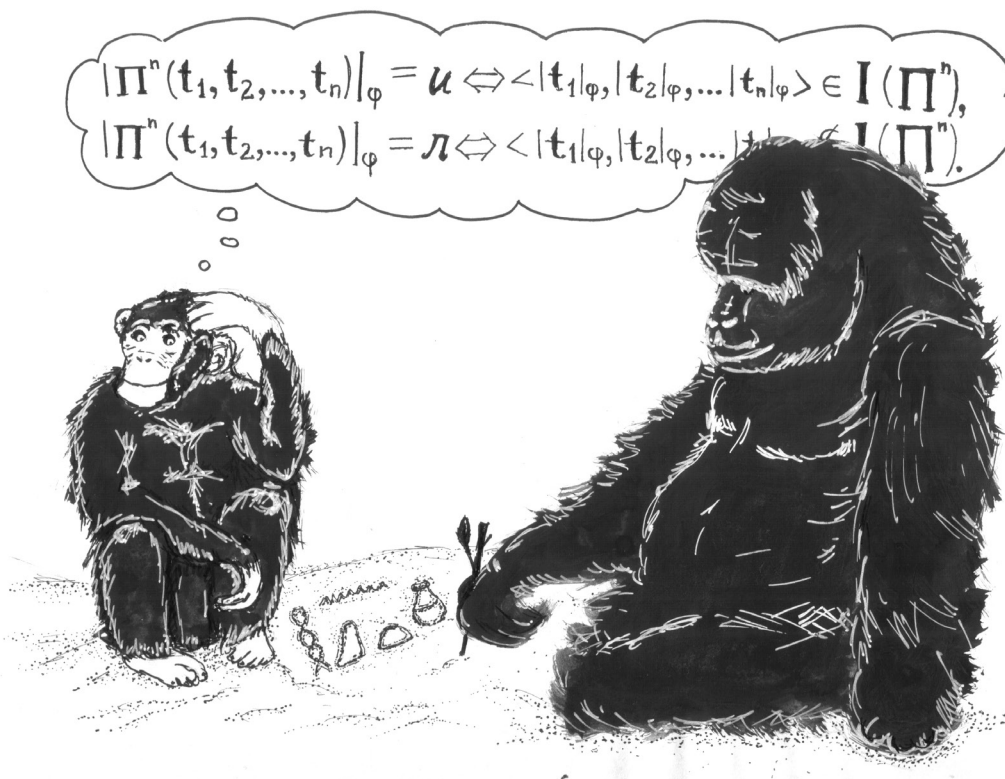
По моему мнению, термин «theory of meaning» *в слабом смысле* можно использовать в отношении того раздела символической логики, который занимается анализом смысла и значения языковых выражений, преследуя сугубо формальные цели. То есть этот раздел изучает то, как следует интерпретировать те или иные символы (знаки)

при построении формальных систем. В свою очередь, термин «theory of meaning» *в сильном смысле* все-таки должен относиться к разделу современной аналитической философии, который в большей степени интересует когнитивный аспект понятий «смысл», «значение», «смысловое содержание» и т.д.

Мерцалова скорее всего интересуется «theory of meaning» *в сильном смысле*, хотя критикует он «theory of meaning» *в слабом смысле*. Нельзя, конечно, настаивать на независимости этих вариантов, они как две стороны одной медали. Более того, очевидно, что теория *в сильном смысле* детерминирует базовые положения теории *в слабом смысле*.

Я выделю три основных контраргумента Мерцалова против традиционной теории, на основании которых, соответственно, он строит свою «барную теорию»: (i) знаки (символы) не несут в себе информацию, а традиционная теория считает, что несут; (ii) знаки (символы) не могут напрямую обозначать объекты действительности, а традиционная теория считает, что могут; (iii) слова и предложения не являются инструментом выражения мысли, они являются инструментом порождения мысли в голове другого. Я покажу, что первые два аргумента вообще не имеют отношения к традиционной теории, и, соответственно, Мерцалов заблуждается относительно этих вопросов. Третий же аргумент я просто попытаюсь оспорить.

Про знаковые системы и логику в целом. На мой взгляд, между традиционной теорией и теорией Мерцалова нет никакого противоречия. Более того, они вообще говорят о разных вещах. Известно, что традиционная теория значения подразумевает исследование языка как знаковой системы. Это означает, что язык рассматривается в трех основных аспектах: (1) синтаксическом, (2) семантическом и (3) прагматическом. Синтаксический аспект подразумевает рассмотрение технических правил комбинирования и конструирования выражений. Семантический аспект подразумевает исследование отношений этих выражений к лингвистическим сущностям (объектам действительности). К семантике также относится изучение смысла знаков и выражений. Поскольку язык есть средство коммуникации, то необходимо выделять отношение участников коммуникативной деятельности к комбинациям и содержанию знаков, эту функцию выражает прагматический аспект. Согласно Е.Д. Смирновой [Смирнова, 1996], у нас нет необходимости учитывать прагматический аспект, когда мы работаем с экстенциональными контекстами, однако при рассмотрении интенциональных контекстов, мы без учета прагматики обойтись не можем.

Изучая знаковые системы, мы используем сильные абстракции и идеализации. Мы, прежде всего, берем знаковую систему в чистом виде, т.е. рассматриваем язык не как средство коммуникации, а как средство фиксации, хранения и переработки информации. При таком подходе язык понимается в нелингвистическом смысле. Стоит заметить, что язык может пониматься так, только когда мы рассматриваем его одновременно и в семантическом, и в синтаксическом аспекте. Как пишет Е.Д. Смирнова, «знаковые системы, рассматриваемые только с точки зрения формальных, синтаксических связей между знаками, не могут рассматриваться как механизмы хранения и переработки информации — для этого необходимо учитывать, по крайней мере, семантический аспект. Но при исследовании языков мы можем допускать и эту абстракцию и начинать исследование с чисто синтаксических связей» [Смирнова, 1996, стр. 27].

С этим связан первый аргумент Мерцалова, который я сформулировал так: знаки (символы) не несут в себе информацию, а традиционная теория считает, что несут. Приведу цитату Мерцалова, которая частично подтверждает

это положение, хотя в полной мере он сформулировал его на одном из обсуждений:

«Но этим наборам буквочек, которые ты сейчас видишь перед собой, или звукам, которые ты слышишь, просто нечем ее [т.е. мысль — **А.Б.**] нести. Посмотри на китайский иероглиф или неизвестное тебе русское слово — есть ли в этом “материальном носителе” самом по себе нечто большее, помимо его материала?» [Мерцалов, 2015, стр. 38]

Заметим, что в приведенной цитате речь идет не об информации, а о мысли. Я предлагаю связать эти два термина, так как: 1) по Мерцалову, рассуждение из приведенной цитаты верно и для информации, и для мысли; 2) эта связь следует из определений терминов «суждение», «предложение» и «высказывание». Я воспользуюсь работой Е.К. Войшвилло [Войшвилло, 2003, стр. 22-23]. Если рассматривать суждение как смысл повествовательного предложения, а само предложение — как знак того, что является его предметным значением, то высказывание есть суждение с определенной знаковой формой (выраженной повествовательным предложением). В таком случае, как

пишет Войшвилло, «суждение — это мысль, содержащая утверждение или отрицание наличия некоторой ситуации в той или иной рассматриваемой области действительности». Таким образом, суждение (мысль) выражается в предложении при помощи указания (использования) конкретной интерпретации дескриптивных терминов, что информация увеличивается по мере уменьшения возможных интерпретаций дескриптивных терминов, сохраняющих истинность высказывания (см., напр., [Войшвилло, 1976; Войшвилло, Дегтярев, 1994; Тондл, 1975; Бочаров, Маркин, 2008]), можно, на мой взгляд, заключить о некоторой однородности терминов «мысль» и «информация» в их отношении к содержанию языковых выражений. Эта проблема, однако, заслуживает отдельного исследования.

Итак, мне бы хотелось разубедить Мерцалова в том, что с точки зрения логики «последовательности символов несут в себе информацию». Конечно, они не несут в себе информацию в полном смысле слова.

Когда мы рассматриваем язык как знаковую систему, мы имеем в виду «логическую информацию». Нас в принципе не интересуют значения элементарных выражений самих по себе. Нас интересуют их истинностные значения. Если мы знаем истинностные значения элементарных выражений, то мы можем определенным образом установить истинностные значения сложных выражений — это и является той информацией, которая фиксируется в самих знаках, т.е. «логической информацией».

На этой основе строятся логические теории. Задается какой-то язык (например пропозициональный), постулируется, какие истинностные значения могут принимать пропозициональные переменные (элементарные сущности), затем по определению связей вычисляется информация о более сложных выражениях. Далее определяется отношение логического следования между этими выражениями, которое верифицирует класс выражений (теорем) и те возможные переходы от одних выражений к другим (правила вывода), которые будут считаться законами нашей логической теории.

Таким образом, любая мысль, выраженная в правильной форме, всегда является истинным предложением, а это, в силу классической концепции истинности, будет означать наличие в действительности того положения вещей, о котором сообщается в предложении.

Тем не менее, связь между истинностным значением и смысловым содержанием какого-либо выражения ни в коем случае не должна выпадать из нашего поля зрения. Конечно, когда мы сталкиваемся с подобной дихотомией,

важно учитывать цели, которые мы преследуем: либо нас интересует содержание выражений с точки зрения философии языка и логической семантики, либо нас интересует содержание выражений с точки зрения их «дедуктивной ценности», роли их содержания в исследовании выводов, дедуктивных систем и т.п. Другими словами, семантика в современной логике может пониматься в двойном смысле.

И все-таки в некоторых вопросах эти подходы пересекаются. В частности, как замечает Майкл Данн [Dunn, 1969], особняком стоит вопрос о взаимоотношениях между смысловым содержанием и истинностным значением. Справедливо отмечая, что смысловое содержание детерминирует истинностное значение выражения, Данн ставит вопрос об обратном отношении: может ли истинностное значение детерминировать смысловое содержание? Ответ на этот вопрос, по мнению Данна, как минимум не является очевидным. Он подробно обсуждает точку зрения, согласно которой предложения, имеющие одно и то же истинностное значение, обладают одним и тем же смысловым содержанием.

Например, два предложения формы $p \& \neg p$ и $q \& \neg q$, очевидно, имеют одно и то же истинностное значение (другими словами, «логически эквивалентны»), а значит, согласно упомянутой точке зрения, они должны иметь одно и то же смысловое содержание. Данн подвергает это рассуждение критике. Он говорит, что «интуитивно понятно, что $p \& \neg p$ и $q \& \neg q$ описывают разные ситуации, хотя ни одна из них не реализуема. Все, что нам нужно — это семантика, чувствительная к такой интуиции» [Dunn, 1969, стр. 8-9].

Смело можно заключить, что именно это замечание позволяет по достоинству оценить роль многозначной логики в построении дедуктивных систем, претендующих на исследование различных семантических и эпистемических особенностей языка. В позиции Данна можно усмотреть идеологические предпосылки к построению знаменитой логики с пресыщенными и провальными истинностными значениями.

Таким образом, некоторые характеристики смыслового содержания (в «theory of meaning» *в сильном смысле*) могут быть учтены путем построения специфических семантик для формализованных языков. Однако, опять же, это не то, для чего специально строятся дедуктивные системы.

Еще раз хочу напомнить о терминологической путанице с употреблением термина «meaning». Это недоразумение, по-моему, и является тем основанием, на котором вырастает мерцаловская критика. Во введении я говорил, что «theory of meaning» можно охарактеризовать в слабом

смысле и в сильном смысле. Выделяя «theory of meaning» в слабом смысле, я говорил, что упомянутые исследователи вопроса о смысле и значении идут вслед за Фреге, начиная анализ языка с имен (знаков). Действительно, как пишет, например, Алонзо Черч:

«В формализованные языки мы перенесем из языков обычных один широко распространенный там тип выражений, а именно собственные имена. К их числу мы относим не только собственные имена, по произволу предназначенные для непосредственного обозначения предмета (такие, например, как “Рембрандт”, “Каракас”, “Сириус”, “Миссисипи”, “Одиссея”, “восемь”), но и такие имена, которые обладают строением, отражающим тот способ, которым они обозначают предмет» [Church, 1956, стр. 3].

Также я отмечал во введении, что «theory of meaning» корректнее переводить как «теория о содержании». Эта очень важная оговорка позволяет теперь ясно рассмотреть, что есть значение (денотат) в контексте логико-философских исследований.

Наиболее прозрачная интерпретация традиционной теории представлена у А. Черча. Если в качестве исходных объектов рассмотрения фиксируются имена, задача теории именования (теории содержания) преобразуется в исследование вопроса о том, что является содержанием имен, т.е. какова структура этого содержания. Другими словами, наша теория не ограничивается только исследованием значения, поскольку значение — это лишь часть содержания имени.

Основными частями содержания имени являются денотат (его же обычно и называют значением)¹ и смысл. Денотатом имени является тот предмет, который назван этим именем. Смысл же можно определить как информацию о предмете, содержащуюся в самом имени или которая связывается с этим именем в процессе общения или познания.

Представление о значении выражений у философов, не занимающихся плотно вопросами философии языка или логики, заканчиваются как раз на этом месте. Здесь находится камень преткновения метафизиков и логиков, об который одни спотыкаются из-за незнания, а другие из-за ужасной путаницы в терминологии и беззаботности относительно этих вопросов. Последнее вызвано, скорее всего, тем, что вопросы о смысле и значении утратили былую актуальность в логическом сообществе, по крайней мере,

в том контексте, в котором эти вопросы поднимались в первой половине прошлого века.

Перейдем теперь к аргументу Мерцалова под номером (ii), который основан на распространенном заблуждении, что с точки зрения формальной логики имена сами по себе напрямую обозначают предметы. Это, конечно же, не соответствует действительности.

Подтверждение моих слов мы можем найти уже у самого Фреге, который утверждает, что связь между знаком, смыслом и значением состоит в том, что знаку соответствует смысл, а смыслу соответствует определенное значение, тогда как одному значению может соответствовать не единственный знак. Объект, который непосредственно связывается со знаком — это смысл, значение же фактически не связано со знаком. Оно, конечно, находится вне знака и по существу не привязано к нему. Однако значение *привязывается* к знаку через тот смысл, которым обладает знак. Говоря словами Черча, «имя обозначает, или называет, свой денотат и выражает его смысл». Сам Черч, кстати, замечает, что такое отношение между знаком и денотатом («отношение называния») есть тернарное отношение между некоторым языком, выражением этого языка и обозначаемой вещью. Кроме того, это отношение может считаться бинарным, если мы фиксируем язык в конкретном контексте. Таким образом, мы должны говорить о значении знака относительно данного языка или фиксировать язык, чтобы опускать подобную оговорку.

Теперь очевидно, что с точки зрения логической семантики прямой связи между знаком и значением нет! Эта связь имеет своеобразную опосредованную структуру. В силу вышесказанного, аргумент Мерцалова против традиционной теории кажется несостоятельным.

Однако сформулированная выше позиция Фреге относительно связи между знаком, смыслом и денотатом должна быть подвергнута критике. В частности, сомнение должно вызвать утверждение о том, что смысл детерминирует денотат. Именно это положение было выделено Патнэмом [Putnam, 1975] в его критике традиционной «theory of meaning». Он также выделял второе положение, которое гласит, что знание смыслового содержания какого-либо слова есть психическое состояние индивида. Перечисленные два утверждения, по мнению Патнэма, служат фундаментом для традиционной теории, причем фундаментом, мягко говоря, некачественным. Впрочем, даже эта критика не задевает опосредованный характер отношения между знаком и денотатом. Очень точно по этому поводу высказался Е.К. Войшвилло:

«Одна из наиболее важных задач теории имен в ло-

1. С этого момента, когда я говорю «значение», я имею в виду предметное значение, т.е. «денотат».

гике состоит как раз в объяснении того, каким образом осуществляется связь имен с предметами внеязыковой действительности, и прежде всего, конечно, с предметами и явлениями объективного мира. Ясно, что только в силу наличия таких связей имена выступают в качестве непосредственных представителей предметов в процессах мышления и общения» [Войшвилло, 1967, стр. 38].

В качестве еще одного важного замечания я хотел бы отметить, что можно транспонировать барную теорию на традиционную. Действительно, значение в контексте барной теории — это смысл в традиционной теории. Таким образом, мы получили еще одно подтверждение тому, что традиционная теория и теория Мерцалова говорят о разных вещах и уж тем более не противоречат друг другу.

Про предметы мысли. Мерцалов замечает, что слова не являются инструментом выражения мысли, они предназначены для порождения мысли у другого (того, к кому мы обращаемся). Я выделил это его положение как аргумент под номером (iii). Если вдуматься в это утверждение, не следует ли из него, что все слова, которые я произношу, есть лишь «инстинктивные выкрики»? Подобно тому как в мерцаловском примере шимпанзе кричала при виде леопарда. Странник барной теории, скорее всего, ответит на этот вопрос отрицательно, т.к. человек, произнося слово, желает вызвать какую-то мысль у реципиента, поэтому он и сообщает какое-то конкретное слово, а не другое. Но получается, что, произнося слово, я уже знаю его смысловое содержание и какую-то информацию о значении. Ведь я не инстинктивно его произношу, а пытаюсь вызвать какую-то мысль, причем знаю, какую именно. Значит, я знаю что-то и о смысловом содержании этого слова, и о значении.

Исходя из данных соображений, я сформулирую свой аргумент против мерцаловского определения смыслового содержания. Кратко это определение можно зафиксировать как «мысль в голове собеседника, вызванная словом отправителя».

Если воспроизводить ситуацию в баре, то аргумент в общем смысле связан с тем, что вообще-то русский знает, что ему принесли не пиво, когда он произнес «пиво». Это означает, что смысловое содержание слова все-таки является некоторой фиксированной сущностью. Если бы имело место обратное, то у слов просто не было бы четкого значения, и мы бы вообще не понимали друг друга.

Пусть множество $Images = \{I_1, \dots, I_n\}$ есть множество образов, т.е. тех образов, которые возникают в голове у

интерпретатора, когда он слышит какое-то слово.

Пусть множество $Words = \{p_1, \dots, p_m\}$ есть множество всех слов произвольного естественного языка. Я мог бы разделить это множество как множество всех слов во всех известных языках, но для того, чтобы аргумент работал, достаточно и одного языка, скажем, русского.

Итак, *коммуникативной ситуацией в смысле барной теории* называем такую упорядоченную пару объектов $\langle p_j, I_k \rangle$, где первый член — это какое-то слово в естественном языке, второй — образ объекта (предмет мысли), ассоциированный с данным словом: $p_j \in Words, I_k \in Images, 1 \leq j \leq m, 1 \leq k \leq n$.

Очевидно, что таких ситуаций счетно-бесконечно много, а следовательно, и смысловых содержаний счетно-бесконечно много, причем даже если мы рассмотрим конечное число слов, то смысловых содержаний у каждого слова все равно будет счетно-бесконечно много, т.к. множество образов объектов есть счетно-бесконечное множество. Таким образом, согласно барной теории, для любого слова в языке есть бесконечное число смысловых содержаний в голове у человека, что очевидно противоречит реальному положению дел, т.к. мы имеем фиксированное смысловое содержание для каждого слова в наших естественных языках. Вопрос о сложности и структуре этого содержания уже вопрос более высокого порядка, который подробно обсуждается, например, в статье Патнэма [Putnam, 1975].

Тот факт, что каждый из нас может вообразить бесконечное количество различных существующих или несуществующих объектов, как раз и приводит к противоречию, которое делает барную теорию несостоятельной.

Когда Мерцалов говорит о смысловом содержании слова как о предмете мысли в голове интерпретатора, он объясняет появление фиксированного смыслового содержания в духе бихевиоризма. Конкретное смысловое содержание закрепляется за словом, когда интерпретатор в течение нескольких коммуникативных ситуаций получает какое-то количество позитивных подкреплений. Другими словами, я произнес слово «яблоко», собеседник его услышал и вообразил стул. Я показываю ему яблоко и снова говорю: «яблоко». Таким образом, «яблоко» примет правильное смысловое содержание после нескольких успешных попыток, причем позитивно подкрепленных. Смысловое содержание слова теперь — это что-то сродни условному рефлексу. Но и эта позиция является в корне неверной.

По вопросу фиксации смыслового содержания слов и выражений интересной точки зрения придерживается Кит Файн [Fine, 2007]. Файн говорит о том, что, учитывая одну сторону емкости естественного языка, а именно,

нашу способность конечным числом символов и конечным числом правил высказывать бесконечное число мыслей, мы обычно не замечаем обратную сторону этой емкости. Эта обратная сторона заключается в том, что мы можем высказывать одну и ту же мысль от случая к случаю, причем это и позволяет нам вообще рассуждать и обмениваться информацией. Например, каждый раз, когда любой из нас произносит: «Цицерон является оратором», — это высказывание выражает одну и ту же мысль. Причина такого феномена, по мнению Файна, кроется в специфических семантических отношениях между высказываниями. Он считает, что подобная «фиксация мысли» происходит не за счет каких-то внутренних семантических характеристик выражений, а за счет семантических отношений *между* этими выражениями.

Кстати, Файн замечает, что традиционный подход к «theory of meaning» *в сильном смысле* как раз-таки видит эту фиксацию именно во внутренних семантических характеристиках выражений, что Файном и критикуется. Однако даже этот подход не влияет принципиально на вопрос о смысле и значении в слабой «theory of meaning». Он лишь позволяет избежать некоторых проблем с антиномиями, связанными с трактовкой и интерпретацией индивидуальных переменных.

Church, A., Introduction to Mathematical Logic. Princeton, Princeton University Press, 1956.

Dunn, J.M., Natural Language versus Formal Language, Mimeo of a talk in the joint A.P.A./A.S.L. Symposium of that title, New York. Dec. 27, 1969, privately circulated.

Fine, K., Semantic Relationism. Oxford: Blackwell, 2007.

Putnam, H., The meaning of meaning H. Putnam (Ed.), Mind, Language, and Reality, Cambridge University Press, London, 1975.

Бочаров В.А., Маркин В.И. Введение в логику: учебник. М.: ИД ФОРУМ: ИНФРА-М, 2008.

Войшвилло Е.К. Проблема непустоты субъектов высказываний (суждений) // Логика и В. Е. К., М.: 2003.

Войшвилло Е.К. Понятие. М.: МГУ, 1967.

Войшвилло Е.К. Семантическая информация. Понятия экстенциональной и интенциональной информации // Кибернетика и современное научное познание. М., 1976.

Войшвилло Е.К., Дегтярев М.Г. Логика как часть теории познания и научной методологии (фундаментальный курс). Кн. I. Учебное пособие для студентов философских факультетов и преподавателей логики. М.: Наука, 1994.

Мерцалов А. Всё наоборот // Финиковый Компот. — №9. 2015. С. 37-42.

Смирнова Е.Д. Логика и философия. М.: Росспэн, 1996.

Смирнова Е.Д. О загадке контекстов мнения // Логические исследования. Вып. 6. М.: Наука, 2001. С. 199–209.

Тондл Л. Проблемы семантики // Серия «Логика и методология науки». М.: Прогресс, 1975.